DOI: 10.17117/na.2015.12.03.421

Поступила (Received): 31.12.2015

<http://ucom.ru/doc/na.2015.12.03.421.pdf>

Прикладова М.А.
Образы шутов в испанской живописи XVI века

Prikladova M.A.
The Images of Jesters in Spanish painting of the XVI th century

В статье раскрывается тема образов шутов в испанской живописи XVI столетия. Анализируются работы, созданные Алонсо Санчесом Коэльо, Хуаном Пантохой де ла Крусом, Франсом Поурбусом и Антонисом Мором. Актуальность статьи обусловлена недостаточной изученностью данной темы в отечественном искусствоведении

Ключевые слова: испанская живопись, XVI век

The article is dedicated to the images of jesters in Spanish paintings of the XVI th century. The author analyzes works of Alonso Sánchez Coello, Juan Pantoja de La Cruz, Frans Pourbus the younger and Anthonis Mor. Relevance of the article is based on the lack of information about this theme in Russian history of art

Key words: spanish painting, XVI th century

Прикладова Мария Александровна

Ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет

Prikladova Mariia Aleksandrovna

Assistant

Saint-Petersburg state university

Во второй половине XVI века в испанском живописном портрете господствует репрезентативный, парадный портрет. Как отмечает Л.Л. Каганэ: «своеобразие испанского парадного портрета заключалось в том, что не личность портретируемого играла главную роль в трактовке образа, но прежде всего сложившиеся представления об идеальном придворном, усиленные идеей величия, постепенно приобретающей самодовлеющее значение» [1, с. 210]. Главным было подчеркнуть внешнее выражение благородства, достоинство, изысканность манер модели, элегантность и богатство одежды, показывающую её высокий социальный статус. В некоторых случаях для того, чтобы акцентировать внимание на высоком социальном положении заказчика, рядом с ним изображали карлика.

Среди подобных портретов – изображение доньи Хуаны де Мендосы с карлицей, исполненное Алонсо Санчесом Коэльо (1531-1588) и хранящееся сейчас в частном собрании герцогов Монтелано. Предположительно, портрет был написан в 1585 г.. У Санчеса Коэльо всё подчинено идее показа высокого социального положения Хуаны де Мендоса. Эта мысль подчёркивается и услужливым жестом карлицы, и её подобострастным взглядом, и богатыми одеждами модели, прописанными до мельчайших деталей. Карлица превращается в один из атрибутов высокого социального положения своей хозяйки.

К концу XVI века относится портрет Хуаны Пернштейн с карлицей, созданный Хуаном Пантохой де ла Крусом (1553-1608), учеником Алонсо Санчеса Коэльо. Эта картина из собрания Гофмейер выполнена в 1590-х гг. Реалистически трактованный образ карлицы со старчески одутловатым лицом и удивлённо поднятыми бровями является ранним предшественником шутов Д. Веласкеса (1599-1660). В портрете представлен драматический момент из жизни заказчицы, однако присутствие карлицы, обязанностью которой было развлекать свою хозяйку, несколько смягчает трагический оттенок картины, в чём можно увидеть первые симптомы того смещения трагического и комического, которое будет характерно для XVII века. Сопоставление внешне привлекательной Хуаны Пернштейн и безобразной карлицы отображает характерное для того времени противопоставление красоты и уродства. Главным же образом, карлица должна была подчеркнуть знатность и богатство заказчицы. Это было тем более важно, что Хуана Пернштейн носила траур, а, следовательно, Пантоха де ла Крус не мог показать высокое положение модели посредством богатой и элегантной одежды или изысканной окружающей обстановки.

К 1599 г. относится портрет Изабеллы Клары Эухении с ещё одной карлицей. Он написан живописцем Франсом Поурбусом (1569-1622), знаменитым представителем нидерландской художественной династии, и хранится в королевской коллекции в Хэмптон-корте. Так как полотно предназначалось английскому королю Якову I, по случаю его восхождения на престол, изображение на нём карлицы кажется удивительным. Однако она могла олицетворять всех подданных дочери Филиппа II. Поэтому жест Изабеллы Клары Эухении можно считать не столько покровительственным, властным по отношению к своей карлице, сколько выражающим стремление монарха заботиться о своих слугах. В этом случае присутствие «человека для удовольствия» на официальном портрете – способ представить Изабеллу в возможно более выгодном свете, как правительницу, заботящуюся о всех своих подданных, независимо от их, в данном случае физических, недостатков.

Наряду с портретами шутов с их хозяевами в XVI веке существовали довольно немногочисленные изображения собственно «людей для удовольствия». К последним относятся два портрета Антониса Мора (ок. 1519 – между 1576 и 1578 гг.), одним из которых является «карлик кардинала Гранвелы» (1560 г., Париж, Лувр). Властное движение руки, которым карлик успокаивает собаку, его угрюмый, даже несколько надменный взгляд дают основание трактовать этот образ не как изображение человека, привыкшего развлекать других, а как своеобразного хозяина положения, что соответствует законам жанра парадного портрета. Вместе с тем, некоторые детали, введённые Антонисом Мором, несколько снижают высокий стиль. Крупный рост собаки подчёркивает, что перед зрителем карлик. Волосы последнего перекликаются с цветом животного. Кроме того, на карлике кардинала Гранвелы одет пояс с тяжёлым мечом, который, судя по рукоятке, слишком велик для шута. Возможно, изображён шут Брюскэ. В пользу того, что написан именно он, говорит, в частности, украшающая карлика цепочка, с которой связана одна из проделок Брюскэ. Дорогую золотую цепочку подарил испанскому шуту французский король Генрих II. Брюскэ

заказал себе точно такую же, но только медную, велел её позолотить, а затем обменялся цепочками с испанским «человеком для удовольствия», к сожалению, точно неизвестно, с каким именно.

Другим портретом Антониса Мора на эту тему стало изображение Пехерона, придворного шута графа Беневенте и великого герцога Альбы (ок. 1560 г., Мадрид, Прадо). В правой руке он держит колоду карт, которая отсылает нас к должности Пехерона как «человека для удовольствия». Известно, что играть в азартные игры с сумасшедшими и карликами было обычным развлечением во дворце. Ф. Боуса указывает на то, что даже существовали счета, в которых были записаны проигрыши обеих сторон в кости, в карты, в лотереи [2, с. 80]. Правая кисть Пехерона согнута под странным углом, возможно, свидетельствуя об увечье шута. Имя «Пехерон» скорее похоже на кличку, чем на настоящее. Возможно, оно появилось от испанского «реје», что означает «хитрец, проныра, ловкач». У Мора представлен портрет слуги, который не столько отображает его неоднозначное положение при дворе, сколько показывает человека с физическим изъяном, позирующего художнику.

Таким образом, в испанской живописи XVI века карлики, главным образом, представлены вместе со своими хозяевами, для того, чтобы подчеркнуть высокое положение последних. Отдельные изображения «людей для удовольствия» являются, скорее, исключением, чем распространённым явлением. «Люди для удовольствия», наряду с элегантной, пышной одеждой, украшениями и изысканной обстановкой подчёркивали богатство заказчика и оттеняли его красоту. По сравнению с карликом его хозяин невольно казался выше и представительнее. Что касается произведений, запечатлевших собственно карликов, то они создавались для того, чтобы сохранить для будущих поколений образы этих своеобразных «дикивинок».

Список используемых источников:

1. Каганэ Л.Л. *Испанский портрет XVI века. Его социальная и гуманистическая основа* // *Культура Возрождения и общество*. М., 1986. С. 209-218.
2. Боуса Ф. *Сумасшедшие, карлики и «люди для удовольствия» при дворе Габсбургов*. Мадрид, 1991. 223 с.
3. Kagane L. *Spanish portrait of the XVI th century. Its social and humanistic base* // *Renaissance culture and society*. М., 1986. P. 209-218
4. Bouza F. *Locos, enanos y hombres de placer. En la corte de los austrias oficio de burlas*. Madrid, 1991. 223 p.